

Плейлист

Walkabout — Augustines (вступление)

Señorita — Shonn Mendes, Camila Cabello

Night Running — Cage the Elephant (feat. Beck)

When Doves Cry — Prince

Fix You — Coldplay

I Will Possess Your Heart — Death Cab for Cutie

Fine Line — Harry Styles

Wish You Were Here — Pink Floyd

Not Over You — Gavin DeGraw

Superposition — Young the Giant (заключительная часть)

Предупреждение

Пожалуйста, обратите внимание, что данная книга содержит факты, которые могут задеть чувства некоторых особенно впечатлительных читателей: потеря близкого человека, депрессия, проблемы с психическим здоровьем, последствия конверсионной терапии и сексуальная эксплуатация (в качестве упоминания). Я искренне надеюсь, что отнеслась к этим проблемам с тем вниманием и трепетностью, которой они заслуживают. Предназначено для читателей от 18 лет и старше.

Посвящение

*Биллу, со всей моей любовью. Спасибо, что был
тихой гаванью посреди моей бури.*

*Позволь всему случиться с тобой. И прекрасному,
и ужасному.*

*Просто продолжай свой путь. Все чувства много-
гранны.*

Райнер Мария Рильке

ПРОЛОГ

ХОЛДЕН

Лечебница дю Лак Леман

Женева, Швейцария

— Могу я открыть тебе секрет?

Комок под одеялом на кровати в другом конце комнаты ответил раздраженным фырканьем.

Я попытался еще раз.

— Я не шучу, Майло. Это очень важный секрет, который может изменить всю жизнь. Уж поверь мне.

Мой сосед по комнате поглубже зарылся под одеяло.

— Отстань от меня.

Майло напоминал заснеженный холмик в нашей побеленной комнате. Белые простыни, белые стены, белый линолеум на полу. Как внутри иглу. Если бы я слишком долго заикливался на белом цвете,

то начал бы дрожать под собственным тонким одеялом.

Не потому, что мне было холодно. На самом деле август в Швейцарии довольно приятный. Но родители отправили меня на полгода на Аляску в лагерь жестокой конверсионной терапии, после которой мне пришлось приехать в Лечебницу дю лак Леман. Прошел год, но часы моего бодрствования до сих пор омрачались кошмарными воспоминаниями.

Стены и потолок моей комнаты представлялись бескрайними белыми равнинами Аляски. Зеленые леса, окружавшие лечебницу, пробуждали воспоминания о бесконечных ночных походах в лютый мороз. Теплая вода крытого бассейна превращалась в ледяные глубины Медного озера¹, куда меня окунали, голого и замерзшего...

Я больше не плаваю в бассейнах.

Доктор Лэнг сказал бы, что я проецирую свою травму на лечебницу, которая на самом деле довольно уютное и теплое место. Но моему ПТСР² плевать на кружевные оборки. Я все равно вижу розовую крысиную задницу, коей и является это место. Его доводы бессмысленны. Белый = снег = Аляска = пытка.

И в любом случае, комнату, которую я делил с Майло, уж никак нельзя было назвать *«теплой и*

¹ Медное озеро (Copper Lake) — расположено в национальном парке Северные Каскады в американском штате Вашингтон.

² ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство.

уютной». Лечебница дю Лак Леман — это психиатрическая больница, пытающаяся замаскироваться под санаторий или отель. Лунный свет струился через зарешеченные окна, освещая нашу скудную мебель: две односпальные кровати, одна книжная полка, заполненная в основном моими дневниками, и несколько рисунков Майло на стене (прикрепленных скотчем, а не булавками или гвоздями).

Я ставлю пятерку за старание, но решетки на окнах менее походили на «*уютные гостиничные*» и более на «*шикарные тюремные*». А тюрьмы занимали первое место в моем списке триггеров. Я уже дважды позволил лишиться себя свободы — сначала на Аляске, а теперь здесь.

Но больше никогда.

Майло под одеялом шмыгнул носом, расстроенный тем, что утром меня уже здесь не будет. Я не мог понять почему. Я бы не стал по себе скучать. Но он милый парнишка. И мне очень не нравилось его расстраивать. Я свесился с кровати и попробовал еще раз.

— Эй, Майло.

— Не разговаривай со мной.

— Это большая тайна, — увещевал я. — Даже огромная. Ты не захочешь такое пропустить.

— Я же сказал: *отстань от меня*.

Боль в его голосе — детском и искаженном от слез — пронзила сморщенный ледяной камень, заменявший мне сердце. Майло Бациркис, сын богатых судоходных магнатов из Буффало, штат Нью-Йорк, был на два года моложе семнадцатилетнего меня, но травмы, из-за которых он здесь оказался,

сломили его, заставив говорить и вести себя так, словно он потерянный маленький мальчик.

Я вполне мог в это поверить.

Пришлось воспользоваться своим лучшим голосом Старшего Брата.

— И все же я собираюсь рассказать тебе, Майло. Готов? Держи: с тобой все будет в порядке.

Он повернулся ко мне лицом, его темные глаза сияли в лунном свете, черные волосы были растрепаны.

— Шутишь, что ли? *Это* и есть твой большой секрет? Сколько же в тебе дерьма!

— Я на полном серьезе.

— Во-первых, это глупый секрет, а во-вторых, почему я должен тебе верить? *Ты* сам не в порядке. *Наоборот*, ходячий хаос.

Я постучал пальцем по подбородку.

— А я-то думал, что очень хорошо это скрываю...

— Ты продолжаешь приставать к доктору Пикку, хотя ему сорок пять и он женат.

— Ты видел его на сеансе плавательной терапии? Без рубашки? Ни один суд присяжных в мире не признает меня виновным.

— Ты желаешь себе смерти. Это всем известно.

— *Желать смерти* — очень сильное выражение, — беззаботно возразил я. — Предпочитаю думать, что мы с жизнью ведем себя непринужденно. Не нужно все усложнять.

Голос Майло понизился до шепота.

— В группе ты говорил, что хочешь умереть.

— Ах, вот ты о чем. — Я откинулся на спину и уставился в потолок. — Это было сто лет назад. Когда я только сюда приехал.

— Но я знаю, что ты все еще об этом думаешь, — сказал Майло. — Не представляю, как тебе удалось убедить их в своей вменяемости, если очевидно, что это не так.

Я взмахнул руками в воздухе.

— Конечно, я чокнутый. Мы все чокнутые. А кто не псих? Но это не меняет того факта, что с тобой все будет в порядке. Можно быть чокнутым на всю голову и нормальным одновременно. Я живое тому доказательство.

Он фыркнул.

— Не похоже, что со мной все будет хорошо. Без тебя уж точно.

— Ну конечно будет. Ты мне не веришь только потому, что я Кассандра.

— Кто?

— Ты что, греческую мифологию не знаешь?

— А сам прямо всю помнишь, да? — язвительно поинтересовался он. — Проехали. Держи свой огромный IQ при себе. Ты уезжаешь, и это отстойно. Вот и все, что тут можно сказать. — Майло снова отвернулся, но я продолжал, ничуть не смутившись:

— Кассандра жила в древние времена и была похожа на меня: так необычайно хороша собой, что боги падали с неба, пытаясь ее заполучить.

Майло фыркнул.

— Избавь меня от этого. Не такой уж ты и красавец.

— Прошу прощения. Ты вообще *видел* меня?

Он слабо рассмеялся, и я воспринял это как маленькую победу.

— Аполлон, бог солнца, бросил один взгляд на Кассандру и решил, что она должна ему принадлежать. В попытке завоевать сердце девушки, он наделил ее даром пророчества.

— В плане?

— Кассандра могла предсказывать будущее, что, честно говоря, кажется довольно милой сделкой ради того, чтобы залезть ей под тогу¹. Мой последний ухажер даже не угостил меня ужином перед тем, как я ему отсосал. — Я погладил подбородок в притворной задумчивости. — Или, может быть, это и *был* ужин...

Майло хлопнул себя ладонью по лбу.

— *Чувак...*

— Слишком много подробностей?

— С тобой? Всегда. — Он повернулся ко мне лицом и приподнялся на локте. — Но подожди, с кем это ты последний раз ходил на свидание? Свидания здесь запрещены. Или ты уговорил их ради тебя нарушить правила? *Снова.*

— Уверяю, доктора Пикура не нужно было убеждать.

Майло чуть не свалился с кровати.

— *Что?* Это же *отвратительно!* Он врач. Ты пациент. И семнадцать...

¹ Т ó г а — верхняя одежда граждан в Древнем Риме — кусок белой шерстяной ткани эллипсовидной формы, драпировавшийся вокруг тела.

— Говори потише, — прошепел я. — Личные отношения с доктором...

— *Женатым* доктором.

— Небольшая поправочка в моей грязной истории. — *И мой билет из этого места.* — А теперь помолчи и дай мне закончить. На чем я остановился?

— Кассандра и Аполлон.

— Верно. Кассандра знала, чего на самом деле хотел добиться Аполлон со своим необычным подарком, и она не была заинтересована в том, чтобы ее превратили в ходячий Волшебный шар восьмерки¹.

Майло снова рассмеялся, и это улучшило мое настроение. А такое случалось не очень часто.

Как комета Галлея — редкая яркая полоса на холодном черном небе, которая исчезала снова и снова.

— Когда Кассандра отвергла его, — продолжил я, — как и многие титулованные чуваки, Аполлон потерял самообладание и проклял ее, чтобы никто не верил ее пророчествам. И вот бедняжка Кэсси бродит по Древней Греции, всем рассказывает, что Троя сгорит, и никто ей не верит. Все думают, что она сумасшедшая, и даже запирают ее в тюрьму. Понимаешь, к чему я клоню?

— Ты реинкарнация греческой богини?

— Давай посмотрим на доказательства. — Я начал загибать пальцы. — Я до смешного привлека-

¹ Волшебный шар восьмерки (шар судьбы, шар вопросов и ответов, шар предсказаний) — игрушка, шуточный способ предсказывать будущее.

телен. Все считают меня сумасшедшим. Я заперт здесь, и никто не верит моим словам. — Я слегка улыбнулся в полумраке, освещенном серебристым лунным светом. — Включая тебя, когда я говорю, что после моего ухода с тобой все будет в порядке.

— Ты прав, — отозвался Майло, и новый поток слез заглушил его слова. — Я тебе не верю.

Дерьмо.

Он снова повернулся ко мне спиной. Комета хорошего настроения сразу погасла. Никто никогда не обвинил бы меня в том, что я из любителей утешать, и у меня заканчивались идеи.

Майло тихо плакал, дрожа, как будто *ему* было холодно, и ко мне вернулось воспоминание — мое единственное хорошее воспоминание с Аляски. Оно подкралось, окутав меня, и сразу стало легче.

Я вылез из кровати и лег рядышком с Майло, прижимаясь к нему.

— Отвали от меня, — проскулил он. — Я не один из твоих дружков.

— Даже не думал к тебе приставать, — ответил я. — Там, на Аляске, другой парень сделал это для меня. И помогло. Но я не буду, если...

Майло схватил меня за руку и крепко сжал, его тело сотрясало от беззвучных рыданий. Я придвинулся ближе, обнимая его, и положил свою белокурую голову на подушку рядом с его темной.

Спустя некоторое время он шмыгнул носом и тихо произнес:

— Аляска. Это туда тебя отправили на конверсионную терапию? До того, как ты оказался здесь.

Я напрягся.

— Да.

— Ты почти не рассказываешь об этом. Даже в группе. Если только тебя не заставляют. Тогда ты, должно быть, особенный.

Я почувствовал, как Майло улыбнулся, напряжение в его тощем теле ослабло.

— Что произошло?

— Мне было холодно, — признался я. — И не только мне. Мы съжились на полу старой, продуваемой ветрами хижины, без огня. Никогда еще не чувствовал себя таким несчастным и одиноким, как в тот момент. Но затем один из мальчиков притащил свое драное одеяло к месту, где я дрожал под своим жалким покрывалом. Он обнял меня так, как я обнимаю тебя.

— Как его звали?

— Сайлас. Его звали Сайлас.

— Ты все еще общаешься с ним?

— Нет.

— Почему нет? Вы потеряли связь? Как его фамилия?

— Это неважно.

Еще как важно. Чертовски важно, но как бы сильно мне ни хотелось, чтобы Майло почувствовал себя лучше, Сайлас Марш оставался под запретом. Если бы я слишком много о нем рассказывал, тогда он бы перестал быть моим. Он существовал в основном в моих дневниках. Историях. Бесконечных записях, в которых я пытался очиститься от Аляски, пока руку не сводило судорогой, а слезы не размывали чернила на страницах.

Но всегда оставалось, о чем еще написать.

Мои родители отправили меня на Аляску во имя «исправления» своего неправильного сына, но это почти разрушило мою и без того робкую надежду на здравомыслие. Они поняли свою ошибку в тот момент, когда я вернулся, весь избитый и в истерике. Год в Лечебнице дю лак Леман — это их попытка все исправить, но было уже слишком поздно. Произошедшее на Аляске надежно впечаталось в мой мозг. В каждую клетку и косточку. Холод, который никогда меня не отпустит.

Я крепче сжал Майло.

— Нам было запрещено прикасаться друг к другу, но Сайлас все равно лег рядом, чтобы попытаться меня согреть. Это случилось лишь однажды, но он спас мне жизнь.

И я никогда не говорил ему об этом. Хотя стоило сказать...

— Почему только однажды? — спросил Майло.

— Нас застукали. И избили до полусмерти. В основном его. Они избили его до беспамятства...

Меня снова пробрала дрожь, и я зажмурился под натиском воспоминаний: ветхая хижина и дюжина мальчиков, съезжившихся под тонкими одеялами. Сайласа — большого и высокого золотоволосого Адониса — оттаскивают от меня, санитары ругают его за грех утешения другого человека.

— Сайлас говорил тебе, что с тобой все будет в порядке?

— Нет, — ответил я. — Это было бы ложью. Мы не лгали друг другу на Аляске. Она сильно отличалась от этого места. Здесь нас обеспечивают хорошей едой и физическими упражнениями и не гово-

рят, что ты ничего не стоишь и должен измениться. Вместо этого нас пытаются сделать лучше.

— Ты лучше не стал, так как же тебя отпускают?

— Я чувствую, что заведению больше нечего мне предложить.

— Ты не можешь так говорить. Врачам виднее.

— Врачи согласятся.

— *Это* ложь.

— Мои родители платят врачам, — сказал я. — Я сказал своим родителям, что мне пора уходить отсюда, поэтому они перестали платить.

— Твои мама и папа исполняют все твои желания?

— С тех пор, как я вернулся с Аляски, — да. Они меня боятся. И не зря.

Майло ахнул от моего зловещего тона.

— Ты собираешься отомстить им, когда выйдешь?

Я притворился оскорбленным.

— Я что, по-твоему, похож на жестокого психопата? Забей, можешь не отвечать.

Он издал смешок.

— Нет, но чувствительный удар нанести смогу, — сказал я. — Если расскажу прессе о своей поездке на Аляску — или, что еще хуже, расскажу об этом в «Твиттере». И тогда денежная империя моих родителей может позорно рухнуть. Это пугает их до чертиков.

— Значит, когда-нибудь ты выйдешь и станешь знаменитым писателем, а я застряну здесь навсегда, — снова раздраженно буркнул Майло.

— Не навсегда. И с тобой все будет в порядке. Послушай дядю Кэсси.

— Ты такой странный.

Но я услышал улыбку в его голосе. Он глубоко вздохнул и прижался спиной к моей груди. Я почувствовал, как он уютнее устроился в постели, готовясь заснуть.

— Холден?

— Да.

— Разве тебе не страшно?

— Постоянно.

— Я имею в виду, ты не боишься выбраться отсюда? Ведь лучше тебе не стало.

Я долго и серьезно раздумывал о том, как ответить, мысленно перебирая голоса, которые в голове шумели, кричали и стучали своими тарелками, как игрушечные обезьянки. Лучше мне не стало. И никогда не станет. Что бы ни пытались сделать психологи, врачи, таблетки и терапия — против холода все было бессильно. Аляска навсегда сломала что-то внутри меня.

— Шутишь? — ответил я, стараясь придать голосу беззаботности. — Я собираюсь жить в солнечной Калифорнии. В новом городе, где никого не знаю, новая школа и... да нет. — Теперь, когда произнес это вслух, перспектива кажется ужасной.

Майло рассмеялся, и хорошее чувство ненадолго вернулось. Честно говоря, мне было наплевать на то, что я стану новичком в школе. Вселенная завещала мне измученный разум, но этот разум также работал на полную мощность. Уровень интел-

лекта на уровне ста пятидесяти трех баллов лишь доказывал, что еще один год обучения в старшей школе — это лишь попытка вернуться к нормальной жизни, а никак не то, что поможет мне стать умнее.

— Я буду скучать по тебе, Холден, — сонно пробормотал Майло.

— Ничего особенного. К рассвету уже забудешь меня.

Он крепче сжал мою руку.

— Не делай этого.

— Чего не делать?

— Не говори так, будто ты ничего не значишь. Ты важен. Для меня.

Я стиснул зубы. Забота и беспокойство Майло озадачивали и заставляли чувствовать себя странно.

Даже слезы попытались навернуться на глаза и норовили обернуться рыданием.

— Уже поздно, — хрипло буркнул я. — Поспи немного.

— Ладно. Спокойной ночи, Холден. До завтра.

Я не доверял своему голосу, поэтому лежал очень тихо, пока полумрак в комнате постепенно не сменился темнотой. Дыхание Майло стало спокойным и размеренным. Я осторожно выскользнул из его кровати и вернулся в свою. В течение часа я наблюдал, как по потолку ползают тени, подобно длинным черным пальцам.

Когда первые лучи рассвета начали окрашивать небо, я тихо оделся и упаковал свои вещи в чемодан Louis Vuitton. В основном мои дневники.

В лечебнице нам не позволяли хранить большую часть нашей собственной одежды; но мой гардероб за последний год был преступно полон рубашек с круглым вырезом и всяких синтетических шмоток.

В семь утра в замке нашей двери повернулся ключ. Я уже был готов. Шикнул на санитару, указав на Майло. Он кивнул и молча взял мой багаж. Я оглянулся на своего соседа.

Он не будет грустить из-за моего отъезда. А если и будет, то всего пару минут, а потом справится.

Я вышел и закрыл за собой дверь. Она захлопнулась с автоматическим *щелчком*.

Семейный адвокат, которого мои родители послали, чтобы помочь мне выйти из Лечебницы дю лак Леман, выглядел достаточно ушлым и дорогим. Месье Альберт Бернар сидел рядом со мной в кабинете директора, блистательный в своем костюме от Армани. Я чувствовал себя убожеством в джинсах и, Боже, помоги мне, в рубашке с короткими рукавами, усеянной маленькими желтыми ананасами.

Доктор Лэнг, директор лечебницы, выглядел нехарактерно встревоженным. Он кивнул мне.

— Доброе утро, мистер Пэриш.

Теперь, когда я держал лечебницу за яйца, готовый раздавить или помассировать их в зависимости от того, насколько гладко пройдет мой утренний побег, я был *мистером Пэришем*.

Я улыбнулся, показав все свои зубы.

— Вы выглядите взволнованным, доктор Лэнг. Если все пойдет хорошо, через несколько минут я перестану вам надоедать, и вы обо мне больше не услышите.

Доктор Лэнг заерзал на стуле.

— Что ж, хорошо, мы считаем, что произошедшее между вами и нашим врачом очень серьезное дело. Мы гордимся тем, что оказываем только самую лучшую помощь...

— Да бросьте переживать, док. За исключением некоторых гомиков, ваше заведение прекрасно. Неприятное дело с доктором Пикуром в любом случае было не совсем уж и неприятным, если вы понимаете, о чем я. — Я подмигнул ему и откинулся на спинку стула.

Бледное лицо доктора Лэнга побледнело еще больше. Он покосился на месье Бернара, который поднял руки, как бы говоря, что *я тоже без понятия, что с ним делать*.

Лэнг прокашлялся.

— Доктор Пикур был немедленно уволен, а его лицензия отозвана. Ваши документы для выписки здесь, согласно нашему соглашению. — Он подтолкнул папку с документами через стол к Бернару. — И, если позволите, приношу свои самые искренние извинения, Холден. Я очень надеюсь, что, когда вернетесь в Штаты, вы продолжите обращаться за медицинской помощью, чтобы не потерять достигнутый вами прогресс...

— Все в порядке, спасибо, — ответил я, моя улыбка поблекла.

Это правда — дю лак Леман приличное место. Доктор Пикур был еще зеленым, неопытным хищником; слухи о том, что он тайно интересовался пациентами мужского пола, привлекли мое внимание. Было просто подтолкнуть его к краю, играя роль уязвимого, но возбужденного пациента (много актерского мастерства не потребовалось), и Пикур сложился, как шезлонг. Лечебница дю лак Леман не хотела международного скандала, а я хотел убраться оттуда к чертовой матери. Для десятиминутного действия в кладовке не так уж плохо.

— На вид все в порядке, — сказал месье Бернар.

Он подписал документы о моей выписке вместе с «Соглашением о неразглашении». Затем передал мне ручку и папку, я расписался на пунктирной линии и оказался на свободе.

Из одной тюрьмы — в другую.

Я последовал за Бернаром к подъездной аллее лечебницы, волоча свой багаж. Нас ожидали два автомобиля с водителями — один для него, другой для меня. Моим оказался устрашающе крупный мужчина, одетый во все черное.

— Он мой прощальный подарок?

— Не совсем. Антуан сопровождает вас обратно в Штаты. Родители беспокоятся о вашей безопасности.

— С каких это пор?

Адвокат деликатно откашлялся.

— Повторю условия вашего освобождения. Ваши тетя и дядя согласились провести год в своем загородном доме в Санта-Крузе, выступая в качестве опекунов, — произнес Бернар, пока Антуан

загружал мои вещи в багажник. — По вашей просьбе, родители будут держаться подальше...

— Как можно дальше, черт бы их побрал.

— Прошу прощения?

Я повторил, взмахивая руками в воздухе, как дирижер:

— Я хочу, чтобы они держались от меня как можно дальше, *черт бы их побрал*.

Бернар фыркнул.

— Они согласились не вмешиваться и не вступать в какие-либо контакты при условии, что вы будете мирно проживать со своими тетей и дядей. Вам назначено щедрое содержание, но крупные снятия наличных не допускаются, и все транзакции по кредитным картам будут контролироваться. Вам также предоставят автомобиль с водителем, так как самому вам садиться за руль не разрешают.

— Это, наверное, к лучшему, так как я планирую много пить.

Он закатил глаза.

— Ваши тетя и дядя святые люди.

— Год они меня вытерпеть смогут. Даже меньше. В феврале мне исполнится восемнадцать.

— Вы должны окончить школу, мистер Пэриш, или не получите наследства. Только с дипломом старшей школы вам снова начнут доверять. Это самый необходимый минимум образования, хотя ваши родители...

— Мистер и миссис Пэриш, — поправил я. — *Родители* — это люди, которые заботятся о своих детях. А не социопаты, которые издеваются над своим единственным сыном, потому что он гей.

Я сказал это достаточно легко. Всегда так делал. Отпускал шуточки. Заглушал боль и прятал ее за улыбкой и подмигиванием, а может быть, парой галлонов выпивки или ночью с незнакомцем. Никто не должен был видеть, насколько мне больно.

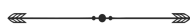
Бернар ошетинился.

— *Мистер и миссис Пэриш* передают вам свои наилучшие пожелания и надеются, что, учитывая ваш выдающийся интеллект, вы получите ученую степень. Я слышал, вы что-то пишете?

— При всем моем уважении, единственное, что я могу показать этим упырям, — мой средний палец. Вот он. — Я махнул рукой и забрался на заднее сиденье автомобиля. — И то, что я пишу, не их гребаное дело. Если подумать, то все, что я делаю, больше никогда не будет их делом. — Я захлопнул дверь, а затем опустил стекло, когда водитель завел двигатель. — Спасибо за помощь, Берни. Теперь можешь вернуться в Париж до моего следующего скандала.

Он поджал губы.

— Не могу дождаться.

Тетя и дядя встретили меня у стойки выдачи багажа в международном аэропорту Сан-Франциско. Антуан, все общение которого во время шестнадцатичасового полета состояло из ворчания и устрашающих взглядов, следовал за мной, как огромная, внушительная мускулистая тень.

Тетя Маргарет и дядя Реджинальд (брат моего отца) выглядели как калифорнийские версии моих родителей: средних лет, безупречно одетые, такие же важные, но загорелые.

Я совсем не был на них похож. После года заточения моя кожа стала бледной, от чего зеленые глаза выделялись особенно сильно. Это может сыграть мне на руку, чтобы затащить кого-нибудь в постель, а может и нет. Кто знает, какие парни в Санта-Крузе. Мой отец в хорошо мне знакомой узколобой, предвзятой манере называл всех калифорнийцев грязными хиппи, обнимающимися с деревьями. Неважно, что Пэриши вложили бóльшую часть своих миллиардов в технологическую компанию, которая находилась прямо по дороге из Санта-Круза. Но я почти уверен, что девизом семьи Пэриш было «Никогда не позволяй небольшому лицемерию мешать прибыли». Он наверняка красуется на нашем фамильном гербе.

Мои тетя и дядя попрощались с Антуаном, и Реджинальд вложил ему в руку пачку денег.

Я отсалютовал своему попутчику.

— Посылка успешно доставлена. Буду скучать по этому большому парню. Некоторые его части тела больше остальных, если вы понимаете, что я имею в виду. — Я подмигнул своей тете.

— Ты... хорошо выглядишь, — пробормотала она, оглядывая меня с ног до головы, как будто я безвкусный подарок, вернуть который не позволяла излишняя вежливость. — Ты так вырос с тех пор, как мы последний раз тебя видели.

— Действительно, — поддакнул Реджинальд. — Сколько в тебе, шесть футов¹ роста? Сильные мышцы. В Швейцарии тебя хорошо кормили. — Кажется, что он собирался хлопнуть меня по плечу, но потом передумал.

— Точно, — ответил я с широкой улыбкой. — Регулярно принимал протеиновые коктейли.

Они обменялись взглядами, и я позволил неловкости несколько мгновений повисеть в воздухе, а затем весело добавил:

— Спасибо, что позволили мне перекантоваться у вас, тетя Мэгс и дядя Редж.

— Тетя Маргарет, пожалуйста, — робко поправила она, когда мы направились к взятой напрокат машине. — Но... если предпочитаешь *Мэгс*, то все в порядке.

— Называй нас, как тебе нравится, — сказал Редж. — Мы просто очень рады, что ты с нами, Холден, мой мальчик.

Чтоб меня. Они тоже боялись, что я расскажу прессе об аляскинских печеных бобах и о том, что со мной сделала их семья. Я уже мог с уверенностью сказать, что тетя и дядя обращались со мной, как с бомбой замедленного действия, вот-вот готовой взорваться.

С этим можно поработать.

Уложив багаж, я скользнул на заднее сиденье машины, Мэгс села справа от меня, а Реджинальд устроился рядом с водителем.

— Мне нужно сделать небольшую остановку, прежде чем отправимся домой.

¹ 6 футов — примерно 183 см.

— Да? — Тетя Мэгс украдкой взглянула на изящные золотые часики у себя на запястье. Реджинальд повернул голову и нахмурился.

— Где именно?

— Юнион-сквер, в Сити. Нужно сделать пару покупок к школе. — Я оттянул воротник своей анасовой рубашки. — Вы же не против, правда?

Они обменялись взглядами, а затем оба слегка мне улыбнулись.

— Конечно, нет.

Четыре часа и четырнадцать тысяч долларов спустя у меня было достаточно хороших пальто, обуви, дизайнерских джинсов, свитеров и шелковых шарфов, чтобы пережить учебный год.

— До октября в Санта-Крузе довольно комфортная погода, — заметил дядя Реджинальд, глядя на кассиршу в «Гуччи», когда она упаковывала длинное, до щиколоток, шерстяное пальто. — Возможно, стоит подумать об одежде для более теплой погоды.

— Я уже подумал, дорогой дядя, — ответил я, с широкой улыбкой протягивая девушке свою черную карточку AMEX¹. — Но там, где я сейчас живу, всегда зима.

Они с Мэгс снова обменялись взглядами, и на их лицах промелькнуло сочувствие.

«Слишком поздно, — подумал я. — До Аляски нужно было обо мне беспокоиться. А не после».

Я вышел из магазина, одетый в дизайнерские джинсы, черную шелковую рубашку и черное паль-

¹ American Express (AMEX) — крупнейшая американская многопрофильная компания.

то, за которым я спрятался, словно в броне. Тетя Мэгс посмотрела на багажник автомобиля, набитый остальными моими покупками, и лучезарно улыбнулась.

— Пора возвращаться домой? До Санта-Круза примерно полтора часа езды...

— Я еще не совсем закончил подготовку к своему триумфальному возвращению в мир живых, — возразил я, проводя рукой по своим пепельно-светлым волосам. — Почему бы вам двоим не выпить где-нибудь кофе, пока я заскочу в салон?

Не дожидаясь ответа, я направился в салон «ДрайБар»¹ через дорогу от площади. Либо сегодня у меня был медлительный день, либо стилист счел меня очень горячим (скорее всего, последнее). Я попал по адресу. Деймон встал позади меня в кресле и провел руками по моим густым волосам, которые по бокам были коротко подстрижены, а наверху оставались подлиннее.

— Великолечно! — воскликнул он. — Не смейте вынуждать меня их отстричь.

Встретившись с ним взглядом в зеркале, я подмигнул, недвусмысленно намекая, что если все пойдет хорошо, то мы можем и трахнуться.

— Ни за что.

— Как насчет добавить цвета?

— Пр-рекрасно! Есть идеи?

— Я открыт для предложений.

¹ DryBar — Калифорнийская сеть салонов, которая предоставляет исключительно услуги по укладке волос.

— С вашим цветом кожи, думаю, серебристый оттенок подчеркнул бы глаза так, что просто — *вау!*

— Делай.

Несколько часов спустя я оказался под лучами заходящего солнца с серебристыми волосами, на фоне которых моя бледная кожа и зеленые глаза выделялись еще сильнее.

Чистейшее совпадение, обеденный перерыв Деймона пришелся как раз на то мгновение, когда он закончил со мной работать. По моей просьбе он отвел меня в табачную лавку, находящуюся поблизости, купил на мою кредитную карту четыре коробки сигарет и серебряную фляжку, а затем бутылку водки из алкогольного магазина по соседству.

В маленьком переулке за площадью мы хохотали, когда водка полилась мне на пальцы, пока я переливал ее в новенькую фляжку. Деймон потянулся за поцелуем. Или что предположительно было поцелуем — его язык, очевидно, пытался добраться через рот до самой моей задницы. Парень принялся об меня тереться, мгновенно возбуждвшись и запыхтев.

— Ты просто безумно сексуальный, — выдохнул он мне в шею. — Сколько тебе лет? Девятнадцать? Двадцать?

Я сладко улыбнулся.

— Семнадцать.

Деймон отшатнулся, его глаза округлились.

— Какого черта?.. Хочешь, чтобы меня посадили?

Я поднял пакет с сигаретами и выпивкой.

— Спасибо за помощь. И за волосы. Выглядит потрясающе. Пять звезд на Йелп¹.

— Ублюдок, — выплюнул Деймон и зашагал прочь.

Я встретил своих тетю и дядю в «Старбаксе». Они оба уже явно теряли терпение, но все же были слишком трусливы, чтобы что-то с этим поделать.

— Боже, твои волосы... очень красиво, — сказала Мэгс.

— Очень современно, — добавил Реджинальд.

— Спасибо. — Я сделал глоток из своей пляжки, закрыл ее и положил обратно в карман пальто. — Можем ехать?

Реджинальд вскочил на ноги.

— Да, конечно. Поехали домой.

Домой.

Это слово было мне не знакомо. В детстве дом представлялся холодным, лишенным любви музеем — все было очень красивым, очень дорогим, а домочадцев можно было увидеть, только когда прикасался к тому, что трогать запрещалось.

Потом случилась Аляска и стерла все мои представления о доме и семье.

Мэгс и Реджинальд были своего рода дублерами родителей. Актерами, призванными исполнять их роль. Как только я окончу старшую школу, они будут освобождены от своих контрактов и вздохнут с облегчением, что все в прошлом. Я получу на-

¹ Yelp — Веб-сайт для поиска на местном рынке услуг, например, ресторанов или парикмахерских, с возможностью добавлять и просматривать рейтинги и обзоры этих услуг.

следство, которое превышает бюджет нескольких небольших стран, и мы пойдем каждый своей дорогой, чтобы больше никогда не сталкиваться. Да и с чего бы нам?

Я заберу свои денежки и сбегу. Буду путешествовать по всему миру, ездить куда глаза глядят и оставаться там столько, сколько захочу. И больше никогда и никому не позволю посадить меня под замок. Я буду свободен.

Или, быть может, просто исчезну.

Часть I

ГЛАВА 1

РИВЕР

Август

Я присел на корточки позади Ченса Блейлока, уперев ладони в траву и изучая линию защитников, оценивая расстановку и находя их слабые места.

— Три, два... *Вперед!*

Ченс передал мяч мне в руки, а затем бросился на защитника, который намеревался сбить меня с ног. На тренировках мы затыкали за пояс флаги, но кровожадность наших защитников не мог остановить даже собственный квотербек, попадись он им в поле зрения. Реальная опасность мне не грозила; наша линия нападения была лучшей в лиге. Более того, любой товарищ по команде, который посмеет на меня напасть, столкнется с быстрым возмездием.

Я отступил, чтобы отдать пас, сканируя поле, вычисляя углы, вероятности и расстояние. Тренер

Кимболл обозначил стратегию, и я собирался начать игру по ней, но это не помешало мне изучить варианты, которые разворачивались на поле в режиме реального времени — один из множества инструментов в моем арсенале, который, по словам тренера, должен был привести меня в НФЛ.

Донти Уэзерли, самый быстрый ресивер¹, был уже на полпути по правой боковой линии с нашими сейфти² на хвосте. На тридцатиярдовой³ линии он свернул налево. Я плавно обошел защитника, подбравшегося ко мне с периферии, и поднял руку для паса. За доли секунды мысленно нарисовал дугу мяча, направив его не туда, где Донти сейчас, а туда, где он окажется.

И сделал бросок. Мяч завертелся, как пуля. Донти уделал сейфти и молниеносно кинулся вперед, оглянувшись в последний момент. Мяч пролетел над его плечом и приземлился прямо в вытянутые ладони. Не останавливаясь, Донти сунул его под мышку и, отрываясь от сейфти, бросился к зачетной зоне.

Искренняя улыбка коснулась моих губ. Идеальный пас. Идеальная ловля. Я был доволен, как черт. И вот тут начиналась и заканчивалась моя любовь к американскому футболу.

¹ Ресивер (или принимающий) — игрок в команде нападения, который специализируется на приеме пасов от квотербека.

² Сейфти — игроки этой позиции являются последней линией обороны команды и обычно находятся дальше всего от линии скримиджа.

³ Тридцать ярдов — примерно 27,5 м.

Мои товарищи по команде прекратили игру, чтобы посмотреть, как забивает Донти. Раздались радостные возгласы, и Ченс повернулся и подцепил пальцами мою защитную маску. Он дернул меня к себе, обнажая зубы в знак своего триумфа.

— Да-а-а-а! Уитмор, ты чертов маньяк! — Он стукнулся со мной шлемами, а затем толкнул меня.

Я толкнул его в ответ и стиснул челюсть, когда меня окружили товарищи по команде. Они так сильно хлопали меня по наплечникам и шлему, что застучали зубы.

Донти прибежал из зачетной зоны и занял свою очередь за поздравлениями. Его улыбка была широкой и ослепительно белой на фоне темной кожи. Он наслаждался бурным вниманием, которое я ненавидел с каждым днем все больше.

— Подойдите, мальчики, — позвал тренер Кимболл, с кряхтением опускаясь на одно колено на газон. На лысеющей голове у него красовалась бело-золотая кепка «Центральных», а живот обтягивала футболка-поло.

Мы сварились от августовской жары, парни тяжело дышали и практически висели на плечах друг друга.

— И именно поэтому, джентльмены, — сказал тренер, — у нас будет пятый сезон чемпионата подряд.

Команда согласно загудела, его слова вызвали еще один раунд хлопков по плечам и ударов по шлему.

Тренер принялся называть игроков, которые не выложились на полную. Мои товарищи по команде

ловили каждое его слово, на их покрытых потом и грязью лицах расплылись широкие, жадные до критики улыбки. В миллионный раз я задавался вопросом, что бы они подумали, если бы узнали, что их звездный квотербек испытывает мучительное желание сорвать с себя щитки, шлем и уйти.

Тренер Кимболл закончил с критикой и завершил тренировку приказом вернуться на следующее утро в восемь утра. Я попытался ускользнуть вместе с толпой, но меня окликнули. Тренер шагал рядом и отвел меня в сторону, в то время как остальная часть команды направилась в раздевалку.

— Итак, — тихо начал он. — Как ты, держишься, сынок?

— Вроде да.

Он потер подбородок короткими пальцами.

— Знаю, лето выдалось тяжелым, учитывая твою маму... — Он замолчал и прокашлялся. — Иногда, когда мы переживаем трудные времена, лучше сосредоточиться на чем-то другом и направить на это всю свою энергию. Двигаться к тому, что делает тебя счастливым.

Что делает меня счастливым...

Работать в семейной автомастерской вместо того, чтобы тратить свое лето на тренировки... Создавать что-то своими руками, устраивать свою жизнь в Санта-Крузе... Вот что сделало бы меня счастливым. Футбол даже не входил в первую десятку, но я чертовски хорошо притворялся, что все наоборот. Судя по скептическому взгляду тренера, моя маска сползала.

— Сегодня я был вполне сосредоточенным, — сказал я.

— Безусловно, так и есть. Последний пас Уэзерли достоин барабанной дроби и софитов. Я просто имел в виду, что, если дела пойдут совсем плохо, у тебя есть команда. У тебя есть мы. — Он положил руку на мой наплечник. — Выпускай пар на поле.

Я услышал его четко и ясно: *«Если скорбишь о том, что у твоей мамы диагностировали рак печени четвертой стадии, играй усерднее, но не вздумай бросать»*.

— Спасибо, тренер. Я понял.

Он с сомнением потер подбородок.

— Да? Похоже, что огонь азарта немного иссяк. Не то чтобы я тебя виню. Свалившиеся на тебя проблемы... Полагаю, нужно время, чтобы к этому привыкнуть.

Я чуть не задохнулся от мысли, что когда-нибудь *привыкну* к смерти моей матери. И мой «огонь», как выразился тренер, поддерживался лишь настойчивым и безжалостным желанием отца.

— Я в порядке, тренер. Даю слово.

— Рад слышать, сынок. — Он снова стукнул меня по щитку. — Иди прими душ, увидимся завтра. Приходи пораньше, если сможешь. У меня есть парочка стратегий, которые я хочу попробовать с тобой и Донти. Такие, что в следующем месяце сроят агентов наповал.

— Хорошо, тренер, — на автомате отозвался я. Как солдат, подчиняющийся командиру. Исполняющий свой долг.

Я побрел в раздевалку, и в спину дохнуло ощутимым разочарованием отсутствия у меня энтузиазма. Солнце почти зашло.

День скоро умрет...

Боль ударила в грудь тяжелым молотком. Мне пришлось остановиться и ухватиться за флагшток возле спортзала. Я был потрясен, насколько тяжело переживал мамин диагноз даже спустя несколько недель.

Мой «большой мозг», который тренер любил заполнять сложными стратегиями, перебрал события ушедшего лета, как фильм на перемотке. Мама, стройная и счастливая в бассейне, смеется с моей младшей сестрой Амелией. Смех Амелии затихает, когда она указывает на очертания маминого живота...

Мама теряла вес и не знала почему. Но отмахивалась от этого, как от таинственной диеты, на которой сидела, сама того не ведая. Затем появилась слабость. И боль. Сильная боль. Диагноз поставили меньше чем через неделю.

Шесть месяцев. Может, чуть больше. Может, меньше. Скоро умрет.

Я сморгнул жгучие слезы, смешавшиеся с потом, и присоединился к парням в раздевалке. Они мылись, разгуливали с голыми задницами, перекрикивались насчет последней игры, несли всякую чушь друг о друге или болтали о девушках. Услышь подобные разговоры родители, большинство бы зарыдало.

Я, как обычно, опустил голову и отвел глаза, прикрываясь усталостью, словно тяжелой броней, чтобы никто не приставал ко мне.

— Эй, Уитмор! — позвал Донти, когда я проходил мимо него в душ. — Есть планы на вечер? Может быть, с этой милой маленькой Вайолет Макнамара?

Вокруг раздался хор охов и смешков. Несмотря на то, что все мы в Центральной школе практически выросли вместе с дошкольного возраста, Вайолет Макнамара была новичком в нашей компании. Этим летом Эвелин Гонсалес — местная королева — вытащила Вайолет из-за учебников и явила нам потрясающую девушку с волосами цвета воронова крыла и темно-синими глазами.

Я нацепил на лицо улыбку короля всего мира.

— Возможно.

— *Возможно*, — засмеялся Донти. — Какой же наш Уитмор хитрец.

— Везучий ублюдок, — протянул Ченс. — Я должен был первым ее застолбить. Кто ж знал, что она такая охренительно горячая и при этом *не откупоренная*, если понимаете, о чем я.

Они все засмеялись. У меня покраснели уши.

Этим летом я встречался с Вайолет всего несколько раз, но она мне нравилась. Застенчивая, но в то же время способная постоять за себя. Я даже считал ее в некотором роде храброй.

И, возможно, моим последним шансом.

Я пытался встречаться с девушками из нашей школы или близлежащего Сокея, но они никогда меня не цепляли. Может быть, Вайолет другая. Она

собиралась стать врачом. Может быть, у нас получится с ней нормально пообщаться, и тогда между нами что-нибудь произойдет. Вдруг я наконец почувствую искру — какую угодно, — и тогда ноющая тревога в глубине моего сознания отступит.

Я снял с себя пропитанную потом одежду и отправился в одну из душевых. Холодная вода текла по коже, вызывая мурашки. Я подставил лицо под струи, и гулкие голоса, хлопанье шкафчиков и смех превратились в далекие звуки, словно с чужой планеты.

— Эй, Ривер. Придешь на вечеринку Ченса по случаю начала учебного года? — позже поинтересовался у меня Исайя, наш звездный раннинбек¹, пока я быстро одевался у своего шкафчика.

Внезапно меня обхватили за плечи мускулистой рукой и встряхнули.

— Разумеется, придет, — проревел Ченс мне на ухо. — Он не сможет такое пропустить. Верно, Уитмор?

Я стиснул зубы и отпихнул руку Ченса с большей силой, чем рассчитывал. Раздались тихие *возгласы* свидетелей сцены. Я редко злился. Никогда не терял самообладания или хладнокровия, не проявлял никаких эмоций, кроме спокойной, непринужденной уверенности.

— Придурок, — бросил я в последовавшем неловком молчании, изобразив на лице гаденькую ухмылку. — Я только волосы пригладил.

¹ Раннинбек (задний бегущий или просто бегущий) — ампула игрока нападения в американском и канадском футболе.

Парни захохотали, широкое румяное лицо Ченса расплылось в улыбке, и он тоже громко загоготал. Он был довольно груб со мной, но по какой-то иронии судьбы — или, может быть, потому, что благодаря мне мы выигрывали, — именно я был королем Центральной школы.

Когда другие парни вернулись к своим делам, ко мне бочком подобрался Донти.

— Эй, парень. Ты в порядке?

— В порядке.

— Ага, конечно, — сказал он, ухмыляясь. — Среди нас, неандертальцев, есть джентльмены. Если тебе действительно нравится хорошенькая мисс Вайолет, просто скажи об этом. Мы прекратим болтать о ней всякую чушь.

— Все в порядке, — снова повторил я. — Просто мне сейчас тяжело из-за всего этого с мамой, понимаешь?

— Понимаю. Сочувствую, мужик.

— Спасибо, — ответил я, и на долю секунды серьезность его тона и взгляда заставили меня подумать, что я мог бы выговориться ему. Но затем его лицо расплылось в широчайшей улыбке, очаровательной и ослепительной, которая делала его очень популярным среди девушек.

— Вечеринка Ченса как раз то, что тебе нужно, — сказал он. — Потрахаешься с кем-нибудь и на время забудешь о всем этом дерьме. — Он поиграл бровями. — Может быть, милая Вайолет Макнамара могла бы помочь тебе в этом деле.

— Ага, — ответил я и опустил плечи. — Надо выяснить, заинтересует ли ее такое предложение.

Донти хлопнул меня по спине.

— Ну и отлично! Увидимся рано утром, брат.

Я задержался, пока раздевалка не опустела, а затем в одиночестве пошел к своему «Сильвераддо». Солнце даже не думало садиться; янтарные лучи падали на черный асфальт. Я завел двигатель, а затем включил кондиционер, прежде чем ехать домой.

Дом.

С тех пор как заболела мама, слово приобрело новое значение. Я вырос в этом доме. В этом городе, который любил. Казалось, что здесь безопасно, что ничего плохого дома случиться не могло. И это чувство подвело нас всех.

Моим последним убежищем осталась мастерская, где я чинил сломанное и заставлял его снова работать. Хотелось бы мне, чтобы что-то, или кто-то, мог сделать со мной то же самое.

Когда я вошел в нашу просторную кухню, ужин уже начался. Дазия Хорват, лучшая подруга моей мамы, помешивала в кастрюле соус для спагетти и тихо напевала себе под нос. Она прилетела из Вашингтона, округ Колумбия, на следующий день после маминого диагноза и с тех пор никуда не уезжала.

Папа уже сидел на своем месте, копаясь в телефоне, пока Амелия накрывала на стол. Моя четырнадцатилетняя сестра взглянула на меня, а затем вернулась к ножам, вилкам и ложкам. Еще два ме-

сяца назад это была милая, веселая девушка. Теперь же она едва ли разговаривала, почти не ела и редко улыбалась.

— Как прошла тренировка? — тут же оторвавшись от телефона, поинтересовался папа с загоревшимся взглядом, что теперь случалось, только когда мы говорили о футболе. Крепкая фигура под заляпанным маслом комбинезоном демонстрировала остатки его собственной футбольной карьеры. Коренастое, мускулистое тело. — Тренер Кимболл сказал мне, что у него на завтра есть несколько новых стратегий для тебя и Уэзерли.

Я стиснул зубы. Папа был хорошо знаком с тренером, и тот всегда писал смс и рассказывал о моих успехах, особенно теперь, когда я в выпускном классе и пришло время выбирать колледж.

— Да, — отозвался я, хватая с полки салфетки, чтобы помочь Амелии. — Он упоминал об этом.

— Ривер, дорогой, — вмешалась Дазия, в ее речи проскакивал легкий хорватский акцент. — Ты, наверное, умираешь с голоду. Две тренировки в день — это слишком много!

— Вовсе не слишком. — Папа гордо улыбнулся мне. — То, что нужно, чтобы стать чемпионом. Согласен, Ривер?

— Конечно.

— Тем более сейчас. *Важный* год.

— И что это означает? — спросила Дазия. — Что в нем такого особенного?

— В следующем месяце агенты придут посмотреть на игру Ривера, — пояснил папа. — После этого подадим заявления в колледж и решим, ка-

кой университет лучше всего оценит его талант и продвинет его в НФЛ.

— О, и это все? — Дазия мне подмигнула.

— Мы над этим работали с тех пор, как Ривер достаточно подрос, чтобы держать мяч. Я правильно говорю, малыш?

Я слабо улыбнулся.

— Конечно, папа.

Амелия позволила мне накрыть на стол, а сама уселась с телефоном в руке и спряталась от нас за занавесом своих длинных темных волос.

Я толкнул ее в плечо.

— Что с тобой? Сегодня было что-нибудь интересное?

Она пожала плечами.

— Не-а.

— С нетерпением ждешь начала учебы в старшей школе, Амелия? — бросила Дазия через плечо. — Первый год старшей школы — большое дело. Как и выпускной класс. Они должны быть особенными.

— Не знаю, что в них такого особенного, — буркнула Амелия. — Они будут отстойными.

Я положил последнюю салфетку, и сестра подняла на меня глаза. Она права. Мама вряд ли доживет до Рождества, поэтому я не стал утруждаться и говорить Амелии, что она ошибается или что стоит быть оптимистичнее. Я никогда не позволял себе испытывать какие-либо собственные чувства, что по иронии судьбы заставляло меня защищать право чувствовать всех окружающих.

— Эй, — окликнул я ее. — Если тебе на математику достанется миссис Саттер, то ты счастливица. Она никогда не собирает домашние задания.

Амелия благодарно улыбнулась моей смене темы.

— А если начнет, то ты их для меня сделаешь. Ботаник.

— Ну конечно, — поддразнил я, отчаянно пытаюсь удержать улыбку на ее лице. — За небольшую плату. Как насчет твоих карманных денег? А еще лучше — твоя коллекция раскрашенных кукол принесла бы мне доллар или два на eBay¹...

— Это русские матрешки, придурок, и тебе придется делать за меня всю домашнюю работу до конца школы, прежде чем я тебе позволю хотя бы прикоснуться к ним своими огромными грязными лапищами.

Мы обменялись игривыми, вызывающими взглядами. Я прекрасно знал, как называются куклы, и она тоже это знала. Полки в комнате Амелии были уставлены ярко раскрашенными деревянными куклами, у каждой из которых внутри находилась меньшая кукла, а у той еще меньшая, пока не оставалась самая маленькая, размером с наперсток. Амелия откладывала свои карманные деньги, чтобы скупать матрешек по всему миру, и получала их в качестве подарков на каждый день рождения и Рождество. Они были ее сокровищем.

¹ eBay — американская компания, предоставляющая услуги в областях интернет-аукционов (основное поле деятельности) и интернет-магазинов.

— Уверена? — поинтересовался я. — Ты отказываешься от довольно выгодной сделки.

— Прикоснешься к ним, и ты труп, болван.

Я рассмеялся, и она неохотно рассмеялась вместе со мной, благодарная за короткое мгновение беззаботности.

— Это правда, что ты соображаешь в математике, Ривер? — поинтересовалась Дазия, подходя к столу с тарелкой хлеба.

— Больше похож на математика-ботаника, — вставила Амелия. — Ривер в школе — самый занудный спортсмен.

Я дернул прядь ее волос цвета воронова крыла. Она в ответ показала мне язык.

— Неужели? — Дазия рассмеялась, затем осторожно убрала один из поставленных мной приборов. — Мама не спустится сегодня к ужину, дорогой. Она немного устала.

— Ох.

Светлые мгновения мигом разбились о твердую землю реальности. Отец тяжелым взглядом уставился на пустой мамин стул. Амелия спряталась с телефоном за волосами.

Вот вам немного математики: наша семья состояла из четырех человек. Вычтите одну маму, и что останется?

Не знаю, что с нами будет, когда она нас покинет...

— Пойду поздороваюсь, — сказал я.

— Хороший мальчик, — произнесла Дазия. — Она будет рада.

Я быстро пересек наш большой дом и поднялся по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Не потому, что спешил еще раз увидеть, что рак сотворил с моей прекрасной матерью, а чтобы доказать, что я не настолько напуган, каким себя чувствовал.

Я тихонько постучал в дверь хозяйской спальни.

— Мам? Это я.

— Входи, любимый, — послышался слабый ответ.

Шторы были собраны, а окно открыто, чтобы впустить свежий воздух и золотистые закатные лучи. Мама лежала в центре огромной кровати, утопая в шелковой пижаме мужского покроя, маленькая и хрупкая. Голову покрывал шарф. Отложив книгу, мама улыбнулась мне.

«Она все еще красива, — отчаянно подумал я. — К черту рак».

— Привет, мам. — Я поцеловал ее в лоб. — Как себя чувствуешь?

Вряд ли этот вопрос был задан ради правдивого ответа. На прошлой неделе она закончила курс химиотерапии и лучевой терапии, которые еще больше ее ослабили, истощили и вызвали постоянную тошноту. Но она никогда не жаловалась. Ни разу.

Хотел бы я быть таким же храбрым.

— Все хорошо, милый. Просто немного устала сегодня. — Она протянула руку и потрепала меня по щеке, когда я сел на край кровати. — Ты тоже выглядишь усталым. Как прошла тренировка?

— Нормально. Так же, как вчера. Тренер нацелен на еще один чемпионат.

— Я в этом не сомневаюсь. Но что насчет тебя? К чему стремишься ты в этом году? Своем *выпускном* году.

Как-нибудь пережить его, если ты не сможешь.

— Не знаю, — ответил я. — Хорошо показать себя перед агентами. Наверное, поеду в Алабаму.

— И заставишь своего отца гордиться тобой. — Мама поджала губы. — Я много думала о его футбольных мечтах и о твоих. Иногда у меня возникает ощущение, что у вас они не совпадают.

Казалось так легко рассказать ей правду, но я многие годы сдерживал и скрывал свои эмоции. Запихал их в самый дальний угол, где они и пылились, чтобы папа мог быть счастлив. Он был звездным квотербеком «Алабамы», и его почти наверняка бы выбрали в первом раунде драфта в НФЛ. До катастрофы.

Я до сих пор помню, как смотрел повтор. Один раз. Мой желудок больше одного просмотра выдержать не мог. Папа отступил, чтобы отдать пас, команда нападения рассыпалась, и два защитника повалили его на землю. Затем парни вскочили и отчаянно замахали медикам, потому что нога моего отца была согнута под тошнотворным углом, под которым не должна сгибаться ни одна человеческая конечность.

Конец карьеры.

— Он так сильно хочет этого для тебя, — произнесла мама. — По большей части потому, что сам не смог осуществить свою мечту. Он видит твое будущее таким, какого не было у него. Но хочешь ли *ты* этого? Иногда я не очень в этом уверена.

Правда ждала, когда ее выскажут вслух. Все равно что сбросить вес в тысячу фунтов. Или распаковать все те коробки, которые я тщательно хранил в темном уголке. Но если бы я сказал маме правду, она бы настояла, чтобы папа тоже узнал. Это бы его добило. Он *и так* терял любовь всей своей жизни, а тут еще я. Это было уже слишком.

Я опоздал.

— Ерунда, все хорошо, — ответил я. — Просто устал. Много тренировок. Давай не будем о таких скучных вещах. Но что насчет тебя? Принести тебе что-нибудь? Дазия готовит спагетти...

Мама прищурила ясные голубые глаза. Она знала, что я недоговариваю, но оставила это без внимания. Пока что.

— Эта женщина — настоящий ураган, правда? Я так рада, что она приехала.

— И я тоже. Но она скоро должна вернуться в Вашингтон, да?

— Ненадолго, но обещает прилететь, как только сможет. — Мама сжала тонкими пальцами мою сильную руку. — Я знаю, с ней легче. Хотя о какой легкости сейчас говорить.

— Особенно для тебя, — произнес я, и у меня сжалось горло.

Мама улыбнулась.

— Я больна, но все еще твоя мама, даже если не могу заботиться о тебе так, как мне хочется. Мне никогда не хотелось становиться обузой...

— Глупости, — возмутился я. — Ты не обуза.

— А ты милый мальчик, который превращается в хорошего мужчину. — Она вытащила конверт из

сегодняшней почты. — Я записалась в Программу Медицинского центра по уходу за пациентами. Два раза в неделю какой-нибудь перспективный ученик из вашей школы будет проводить здесь вторую половину дня, помогая по дому и заботясь обо мне.

Я открыл конверт.

— Вайолет Макнамара? Она будет твоей... сиделкой?

— Волонтером. Ты ее знаешь?

— В последнее время она бывает в нашей компании. Очень хорошенькая. Умная. Вообще-то... — Я прокашлялся. — Подумываю о том, чтобы узнать ее немного получше. Может быть, пригласить на свидание.

Мама вскинула брови.

— Вот как?

— Ага. Она... она мне нравится.

Господи, я похож на ужасного актера, хуже всех в мире читающего реплику.

Моя мать пристально посмотрела на меня, словно обладала рентгеновским зрением. Если бы это было правдой, возможно, она бы подсказала мне, что со мной не так и почему я не могу даже представить себя с кем-то на свидании. Видел лишь безымянную, безликую девушку, которая заставляет меня смеяться и которой можно рассказать обо всем дерьме, скопившемся на душе, и она все поймет. Никакого осуждения. Только связь.

А может быть, и не девушка вовсе.

Я быстро скомкал эту мысль и упрятал куда подальше.

— Рада слышать, что она тебе нравится, — сказала мама. — Не помню, когда ты в последний раз говорил, что кем-то интересуешься.

Я потер затылок.

— Футбол отнимает очень много времени. Но да, Вайолет... милая.

Боже.

— Что ж, с нетерпением жду встречи с ней. А теперь иди и поешь, пока твой ужин не остыл.

Я чуть не вскочил с кровати, стремясь поскорее убраться подальше от этого разговора.

— Что-нибудь принести?

— Может «Хот Покетс» чуть позже?

Я со смехом закатил глаза.

— Ох уж эти твои «Хот Покетс».

Она усмехнулась.

— Здоровое питание.

Но тот факт, что она вообще захотела что-нибудь съесть, уже можно было считать моей маленькой победой.

Я спустился вниз, чтобы молча поужинать в тревожном настроении, которое висело между папой, Амелией и мной, как натянутые электрические провода, в любой момент готовые лопнуть.

Теперь атмосфера в доме была другой, каждая секунда отравлена, потому что приближала нас к тому времени, когда мамы здесь не будет. Папа ушел с ужина пораньше, чтобы укрыться в кабинете со своими футбольными мечтами. Амелия взяла телефон и пошла в свою комнату, пока я убирал со стола, а Дазия отправилась посидеть с мамой.

Вымыв всю посуду и выключив на кухне свет, я тоже отправился в свою комнату, разделся до боксеров и попытался немного отдохнуть перед очередной ранней тренировкой. Спать не хотелось совершенно, хотя тело было измучено тревогой и постоянным подавлением моих самых глубоких желаний. Я так долго лгал сам себе и играл чужую роль, что понятия не имел, кто я такой.

Как это зашло так далеко?

Хотя я знал как. Я сам позволил собственной жизни — личности — выскользнуть из моих рук в тот момент, когда впервые солгал отцу. Я не хотел идти по его стопам. Не хотел осуществлять его разбитые мечты о будущем в НФЛ ценой собственной жизни. Но тот корабль уплыл, оставив меня на мели на острове, который я сам себе создал.

А теперь мама заболела, и этот остров казался еще более отдаленным. Изолированным.

Мне нужно расслабиться. Нужны ощущения, которые будут полностью моими, пускай они и продлятся всего несколько мгновений.

Я схватил телефон и открыл порносайт. Большой палец завис над категориями, задержавшись на одной из них, но затем быстро двинувшись дальше.

Я выбрал что-то ванильное и запустил видео. Как обычно, мой взгляд переместился с грубого акта с женщиной на лицо парня. Я следил за его реакцией и движениями, убеждая себя, что все в порядке. На самом деле меня интересовала вовсе не физическая составляющая. Мне нужен был зрительный контакт. *Связь.*

Я наблюдал за ним несколько минут, затем выключил видео и сунул руку в трусы. Уже твердый. Я обхватил себя ладонью, быстро поглаживая, мысленно представляя выражение лица парня, как он двигался, как пристально смотрел женщине в глаза. В моем воспаленном воображении женщина исчезла, и остался просто парень, который ласкал себя и кончал, пока я наблюдал за ним...

Я кончил так быстро, что едва успел схватить салфетку.

Тяжело дыша, я лег на спину и уставился в потолок. Облегчение быстро исчезло, сметенное чувством вины и стыда.

Что со мной не так?

Я начал проваливаться в сон. Моя рука потянулась по пустой кровати в поисках чего-то или кого-то, чтобы обнять, но ничего не нашла.

ГЛАВА 2

ХОЛДЕН

— Первый день в школе, — пробормотал я, рассматривая себя в зеркале в полный рост в своей спальне. — Смешно.

Чему, по их мнению, меня мог кто-либо научить в этой жалкой маленькой школе, затерянной посреди леса? Я уже был на краю пропасти и вернулся. Мне больше нечему учиться, кроме как выживать со шрамами, оставшимися мне на память.

Все и все остальные могут катиться к черту. *Тебе нужны деньги или нет?*

— С другой стороны...

Я натянул джинсы от Гуччи, черную рубашку с длинным рукавом и черные ботинки «Баленсиага». Из эркер¹ струился утренний солнечный свет,

¹ Эркер — выходящая из плоскости фасада часть помещения, частично или полностью остекленная, улучшающая его освещенность.